

Глава первая

Рассказ

Помешивая кофе, Писатель смотрел в окно. Узенький пруд с нависшими зарослями крапивы и осоки постепенно превращался в широкий бесформенный водоём, окружённый лопухом и чертополохом. Посреди зелени пышно цвёл яркий синий ирис. Это напоминало Ван Гога, импрессионистов и радовало взор. Писатель прищуривал глаза, хотя солнечный свет его не слепил, и предавался мыслям. По стенке чашки прямо на стол неотвратно стекала капелька бурой жидкости. Ложечка брэнчала что-то своё, и вовсе не в том ритме, который ей задавала рука трапезника. Писатель мечтал.

Мечтал он все время об одном и том же.

После завтрака, так и не приняв душ, он заносил руки – совсем как Ван Клиберн – над печатной машинкой, и после тяжёлой паузы на чистый лист неизменно ложились слова «о чём, о чём, о чём же писать?» Так хотелось испещрить новый текст модными оксюморонами, приятными сердцу Писателя многосоюзием, аллюзиями и реминисценциями...

Женщина, готовившая кофе и делившая с Писателем кров, клала руки ему на плечи, целовала его в затылок и, пытаясь утешить, приговаривала: «Ничего, ничего». Он только поднимал голову, брал её руку, сжимал в ладонях и виновато смотрел. Она повторяла ещё раз своё «ничего» и, одарив Писателя воздушным поцелуем, удалялась. Он оставался один, сидел в кресле и вполоборота наблюдал, как лёгкий ветерок раскачивает занавески на раскрытом окне.

Слоняясь по комнатам, Писатель иногда натыкался на газеты, которые стопкой лежали у входной двери. Туда их складывала Женщина, которая, в свою очередь, находила их ежедневно в почтовом ящике, но сама новостями не интересовалась. Писатель выдёргивал из кучи газету, открывал её, перелистывал, не читая, страницы. Чёрно-белые листы постепенно закрывали весь стол. Потом он сбрасывал их со стола и глубоко вздыхал. Руки были грязными. Писатель когда-то издал повесть, или, скажем так, длинный-длинный рассказ. Он хорошо помнил счастливые мгновения его рождения. Тогда, в порыве творческого прозрения, он судорожно хватал первые, попавшиеся под руку клочки бумаги, конверты, старые газеты и мелким убористым почерком быстро переносил на них обрывки внезапно появляющихся мыслей. Женщина аккуратно вырезала творения Писателя и приклеивала на листы бумаги хозяйственным клеем. Её это забавляло, а Писателю не было до этого никакого дела. Он писал, потому что писалось. Получилось что-то, наполненное событиями. Они переплетались как змеи в норе, создавали интригу, увлекавшую читателя.

Один добротный журнал по частям опубликовал повесть на своих последних страницах. Редакция не была завалена восторженными письмами читателей, но какая-то фирма, специально занимавшаяся для журнала изучением общественного мнения, объявила, что повесть «понравилась». Пожилой и уже лысеющий редактор с воодушевлением пожал Писателю руку:

– На два следующих квартала у нас уже есть кое-что, но потом, потом были б очень рады!

Писатель радовался как ребенок: «Мою прозу читают, любят и хотят ещё!»

Теперь новое произведение. Он уже знал, что это будет страниц триста, и какой будет эпиграф. Даже два! Наклёвывалось название. Нечто похожее на “*Les neiges d’antan*” («Прошлогодний снег») из Франсуа Вийона.

Итак, утро начиналось с завтрака, продолжалось сидением за письменным столом и ковырянием в машинке. Ленту

иногда заедало на переносах. «О чём писать, о чём писать?» До конца квартала оставалась неделя, и Писатель постепенно приближался к пониманию того жуткого факта, что он уже никогда ничего не напишет, и вовсе он не писатель. Не писатель, а идиот, которому просто повезло: пришло вдохновение, на мгновение проснулся талант, до той поры никем не пестовавшийся и крепко спящий, да случай поставил свою визу. Но на этом всё! В такие минуты Писателю хотелось, чтобы его роман был заказан не плешивым редактором, а каким-нибудь человеком в чёрном плаще и надвинутой на глаза шляпе, как Моцарту – «Реквием». Тогда, разумеется, работа бы пошла. Какие эмоции стояли бы у истоков произведения!

Но иллюзии быстро исчезали, и он говорил себе: «Хватит. Я ничего так не напишу. Нужно выносить, выстрадать! Когда пойдёт, тогда и пойдёт. И нечего расстраиваться. Позвоню редактору, признаюсь, что публиковать нечего, и буду жить по-старому. Ещё лучше сказать, что написал много, но публиковать пока не хочу: читатель ещё не готов!» Женщина, которая наивно думала, что поддерживает этим Писателя, говорила ему: «Ты можешь!», – хотя сама даже не знала, так ли это. Он переспрашивал её: «Ты думаешь?», – и она уверенно кивала головой, издавая что-то вроде положительного мычания. Примерно такими звуками отвечают бабушки, занятые вязанием, внукам, надоевшим своими вопросами.

Урна под столом давно заполнилась грудой бумажных комков, и Женщина поняла, что работа не клеится. Её вообще удивило и даже насторожило, что Писатель притащил из какого-то очень дорогого магазина специальную бумагу с водяными знаками и набор перьевых ручек. Прежде такого не было. Раньше именно она склеивала обрывки текстов, и получалось произведение. Позднее ей пришлось привыкнуть к стуку печатной машинки. Что же, теперь и это в прошлом. Вскоре, правда, ручки исчезли где-то в глубине стола и даже провалились за выдвижные ящики.

К обеду Женщина возвращалась с работы, готовила еду, которую Писатель поглощал в состоянии глубокой депрес-

сии, произносила что-то понятное, житейское и привычное, как гул от железной дороги, проходившей за лесом. Она исчезала незаметно, оставляя Писателя одного, совсем опустошенного, хоть и плотно пообедавшего, осознающего, что это всё, и надо просто себе в этом признаться. Надо вернуться на прежнюю работу, которая когда-то его совершенно устраивала и которой он был рад. Там, в бухгалтерии мэрии, всегда рядом сидели люди, они что-то считали и пересчитывали, каждый своё, иногда поднимали головы и обязательно улыбались как будто не тебе, а так, всему миру... Но зато каждое мгновение рабочего времени было наполнено совершенно понятными действиями. Всё их «творчество» состояло в том, чтобы своевременно, полно и достоверно отразить существующую реальность. Почти как у писателей, только здесь это нужно делать цифрами, плотно уложенными в вертикальные и горизонтальные графы балансового отчета. Писатель чувствовал эту метаморфозу и даже гордился тем, что уже давно занимается отображением действительности. И, тем не менее, любые воспоминания о тех годах угнетали его. Бесконечные ряды цифр вставляли перед глазами и давили на психику.

В такие моменты Писателю было особенно тяжело. Он часами расхаживал по дому, сунув ноги в грязно-бежевые тапки с давно смятыми задниками. Проходя мимо книжных полок, он трогал корешки красиво переплетённых томов, вытирал испачкавшийся пылью палец об халат, несколько раз включал телевизор. Сидя на диване со съехавшей со спинки подушкой, он почему-то держал голову боком, косясь на экран. В потоке слов, фраз и диалогов, исторгавшихся из электронно-виртуального мира, Писатель искал зацепку.

«Про что, про что же писать, чёрт возьми! – Писатель тербил себя за кушак халата. – Какая глупость! С чего я вообще взял, что могу писать? Ну, получилось один раз, но это же не значит... Один раз можно много чего... В первый раз всегда и получается-то в основном у неумёх... Недаром говорят, в казино новичкам везёт».

Часы в гостинной били каждые полчаса, и воздух за окном серел, постепенно давая понять, что день проходит, и

проходит впустую. «В году всего триста шестьдесят пять дней, ну, иногда триста шестьдесят шесть. Если жить семьдесят лет, то получается всего каких-то двадцать пять тысяч дней с хвостиком. А сколько я уже просидел вот так!» От этого умозаключения Писателя сразу же бросало в жар. Он заходил в ванную остудить лицо холодной водой и потом долго смотрел в продолжавшее мутнеть зеркало. От этого его переживания постепенно тускнели, и вновь просыпался разум. «Carpe diem, carpe diem! Мудрецы! – сокрушался Писатель. – А как поймаешь? Да и что там ловить? Вон их сколько, дней-то, и ловить не надо!»

Во входной двери чирикал ключ. Восемь. Какое-то время уйдет на ужин, и думы будут не такими тяжёлыми. После еды Женщина гремит посудой на кухне. Писатель сидит за столом, выскабливая доньшко баночки из-под йогурта.

– Как наш роман, – оглушала его Женщина, вытиравшая стол, – подвигается? – Писатель вздыхал, пристраивал ладони на край стола, как пианист, только что закрывший рояль, с неживыми, ждущими свои ноты клавишами и что-то бубнил в ответ. Женщина продолжала сосредоточенно вытирать стол. Писатель в глубине души упрекал её за эту бессердечность: «Зачем с такой энергией всё это делать?» Ему хотелось, чтобы женщина погладила его по голове и прошептала что-нибудь вроде: «Ты, наверное, заболел, может, тебе вернуться на прежнюю работу?»

Иногда, особенно после лёгкого ужина, Писатель отправлялся в город погулять, заглянуть куда-нибудь, посидеть за кружечкой пива, наблюдая за праздно веселящимися завсегдатаями питейных заведений. Его завораживали лёгкость их отношений и, как ему казалось, искренность чувств. Он настолько проникался духом беспечности, царившей в баре, что распрощавшись к полуночи с новыми знакомыми, влетал в дом и, пританцовывая, восклицал:

– Когда я выпью пива, особенно на голодный желудок, у меня столько идей кишит в голове!

– Почему же ты их не записываешь? – удивлялась Женщина. Писатель пожимал плечами и ложился на диван. Он

был доволен собой, своим вдохновением; он верил, что завтра оно выльется на бумагу шедевром прозы. Но Морфей овладевал им, и Женщина нежно накрывала его клетчатým пледом.

Потом, на следующий день, всё было по-старому: кофе, бурое бесформенное пятно на столе, бренчащая ложка, шелест газет и собственное ненавистное лицо, нависшее над раковиной. «Я больше не могу, – произнёс как-то Писатель. – Достаточно ли одной картины, чтобы зваться Художником? Одной сонаты, чтобы быть Композитором? Пусть я написал всего одну маленькую повесть, но написал её с любовью и был рад ей, и наслаждался моим трудом. В конце концов, написал же Ален-Фурнье всего один роман! А Грибоедов!» Внезапно пошёл дождь. Окно кабинета сразу же превратилось в «заплаканное» лицо Писателя, исполненное отчаяния. «Но это потому, что одного убили на фронте, а другой погиб, исполняя свой долг... А я? Я ведь жив...» – Писатель задумался, но смог вспомнить лишь счастливые детские годы. Сильный ветер играет верхушками вязов, крутит флюгер, а он в очередной раз поднимает высоко над головой руку с привязанным к ней «змеем» и бежит, бежит что есть духу по берегу, на глазах у всей местной детворы. Запыхавшись, он всё-таки останавливается и смотрит вверх... Но в небе ничего нет. Кроме череды рябых облаков и радуги от капелек пота, застрывших в его ресницах.

«Господи! – подумал Писатель. – Может, я уже сказал всё, что мог и хотел сказать, может, я уже получил отведённую мне порцию счастья? Но если так, то в чём же теперь смысл жизни? Что теперь делать?»

Внезапно к горлу подкатился комок, откуда-то взялись тонны слёз, которые не текли, а просто стояли в глазах, как в шлюзах. Писатель прошёл в ванную, где была аптечка, высыпал на ладонь содержимое маленькой баночки с красными восклицательными знаками на этикетке и с трудом проглотил, запив водой из-под крана. Из зеркала на него глядел кто-то очень заплаканный и лохматый. Ничего не происходило. Но потом стало немного легче – так, как было,

когда он с вечера решался засунуть машинку на шкаф, собрать свой бухгалтерский портфель и начистить ботинки.

Он прошёл обратно в комнату, просветлённый и лёгкий. Постоял у окна с видом на пруд. Синий цветок опал, а на его месте красовался странный плод, словно скоморошья шапка с бубенцами. Дождь только что кончился, и в капельках, облепивших осоку, светились тысячи маленьких солнц.

Женщина пришла поздно вечером и, сняв пальто и сапоги, вошла в кабинет Писателя.

Он сидел в своём рабочем кресле, с опущенной головой и закрытыми глазами. На полу валялись вывороченные из стола ящики. Посреди стола белел лист роскошной бумаги с водяными знаками, а на нём перьевой ручкой было выведено: «Глава первая».